

других религий в Китае и на основе собственного опыта, Риччи пришел к выводу, что ни одна иноземная религия не могла рассчитывать на распространение в империи, без адаптации к конфуцианству. Разработка конфуцианско-христианского синтеза, завершенная в 1603 г., дала иезуитам надежную основу для привлечения внимания высокообразованных китайских чиновников к новой религии. В начале XVII в. новые практики китайской миссии, одобренные седьмой Генеральной конгрегацией (1615) легли в основу официальной подготовительной программы для будущего пополнения контингента иезуитов в Китае.

Таким образом, в период 1555–1603 гг. в китайской миссии иезуитов выделились три пути решения задачи кросскультурного диалога: неприятие, адаптация и интеграция в китайскую культуру. Причины возникновения двух первых концепций базировались, как на разнице в мировоззренческой позиции Средневековья и Раннего Нового времени, так и зависели от наличия внешней поддержки со стороны европейской колониальной администрации. В ходе апробации двух методик, выявились преимущества подхода сторонников адаптации, что и было закреплено руководством в Риме. В тоже время, под воздействием особых требований китайской социально-политической картины (обязательная интеграция в систему взаимоотношений гуаньси, верховенство конфуцианской философии над политической практикой, доминирование сословия шэньши в Минской империи) иезуиты вынуждены были пойти на более тесную социальную интеграцию, расширив политику культурной аккомодации еще одним положением – необходимой интеграции христианской доктрины с конфуцианской философской мыслью.

Литература и источники

1. Дзіханова-Внукоўская, Л.А. Сістэма партугальскага падроадо на прыкладзе езуіцкіх місій у Азіі ў XVI ст. // Бел. Гіст. час. – 2015. – № 12. – С. 31–36
2. Documenta Indica: 18 vol. Edited by J. Wicki. Roma: Historical Institute of the Society of Jesus, 1948–1988. – Vol. 6. – 1960.
3. Documenta Indica: 18 vol. Edited by J. Wicki. Roma: Historical Institute of the Society of Jesus, 1948–1988. – vol. 7. – 1962.
4. Ricci, Matteo. China in the Sixteenth Century: The Journals of Matthew Ricci. Edited by Louis J. Gallagher. – NY, 1953.
5. Валиньяно, А. Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии // Книга японских обыкновений. – М., 1999. – С. 251–305.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ КУЛЬТУР

Дудникова Е. Е., Интымакова Л. Г. (Ростов-на-Дону, Россия)

Философское осмысление феномена культуры возникло в недрах

немецкого Просвещения и романтизма на рубеже XVIII и XIX веков. Его основную идею можно сформулировать следующим образом: «Когда мысль выходит за рамки специальных и ограниченных интересов и расширяется до универсальности, она сталкивается с проблемой культуры и рано или поздно самоопределяется как культурфилософская рефлексия» [1, с. 25]. Очевидно, что гносеологический анализ культуры невозможен в отрыве от ее онтологической сущности. Иными словами, перед исследователем всегда возникает проблема истолкования феноменов культуры.

Способность культуры к истолкованию говорит о том, что культурно-исторический опыт может помещаться в контекст иного культурно-исторического опыта и толковаться сквозь его призму. Этот факт указывает, что культурно-исторический опыт является живым, а потому, востребованным. Если раньше представители определенной культуры обращались за опытом непосредственно к культурно-исторической традиции своего народа, то в настоящее время представитель одной культурно-исторической традиции может обратиться за опытом к другой культурно-исторической традиции. Подобное обращение может осуществляться как на уровне отдельно взятого человека, так и на уровне общества в целом. Это обстоятельство предполагает, что взаимопроникновение культур должно носить диалогический характер, подразумевающий своеобразный обмен опытом в понимании процессов и явлений окружающего мира. Но для того, чтобы диалог мог состояться, необходимо, чтобы «горизонты понимания» участвующих в диалоге культур были достаточно богаты по своему содержанию. Культурный опыт представляет интерес только тогда, когда он представляет собой целостную систему понимания окружающей действительности и систему традиций, обычаев, через которые выражается понимание окружающего мира, понимание человека как составляющей части этого мира.

Полное или частичное принятие инокультурного опыта свидетельствует о проникновении одной культуры в сферу другой. Подобное проникновение, если оно не является насильственным, предполагает не уничтожение собственного культурного опыта, а его переоценку с целью дополнения и обогащения.

Развивая идею взаимовлияния различных культур, М.М. Бахтин и В.С. Библер формулируют и рассматривают проблему диалога культур. Человек, с этой точки зрения, по своей сути является общественным существом и не может существовать вне рамок общества, поскольку оно определяет формат его развития [2, с. 51]. Точно также и ни одно государство, независимо от того, носителем какой культуры являются его граждане, не может существовать вне рамок мирового сообщества. Взаимопроникновение культур осуществляется на самых различных уровнях, начиная с государственного и заканчивая уровнем рядового гражданина, и в самых различных сферах человеческой жизнедеятельности [3, с. 78].

Диалог, как правило, предполагает поиск истины в процессе коммуникации. Культура, будучи опытом понимания себя и окружающего

мира в сознании какого-либо народа, представляет собой его мировоззрение, представление о причинах и целях возникновения мира и человека, в рамках которого выражается отношение его носителей к самим себе и миру в целом. Поэтому, когда различные культуры вступают в диалог между собой, их носители стараются донести друг до друга особенности понимания окружающего мира и человека, выражающиеся в мировоззренческой системе присущей им культуры.

В процессе диалога культур выявляется сходство и различие в понимании целей и механизмов возникновения мира и человека в мире, изучается повседневный уклад жизни их носителей, принципы их существования. Знакомясь с инокультурным опытом понимания, представители определенной культуры оценивают его относительно того опыта, который присущ их культурной традиции. В процессе оценивания инокультурного опыта выявляется наличие в нем общечеловеческих ценностей, обращается внимание на то, как они преломляются в рамках этого опыта. Оценивается интерпретация инокультурным опытом целей и механизмов возникновения мира и человека. Результатом оценки выступает полное или частичное принятие инокультурного опыта, либо его непринятие вообще.

Кроме того, понимание инокультурного опыта подразумевает не только помещение этого опыта в культурную среду понимающего. Понимающий также оценивает свой опыт с позиции иной культуры, то есть одновременно происходит оценивание инокультурного опыта и переоценка собственного. Это способствует взаимопроникновению культур, позволяющему достичь обогащения социально-культурного опыта, обогащения методов и инструментов социально-культурного познания [4, с. 39].

Подобное взаимопроникновение будет выражаться не только и не столько в знакомстве с инокультурным опытом, сколько в возможном принятии каких-либо аспектов инокультурного опыта, методов познания, способов организации различных сегментов социальной жизни. Но, чтобы принятие не носило огульного характера и не выглядело грубым копированием, способствующим потере самобытности, необходимо понять цели перенимания, и как перенимаемое может быть адаптировано в рамках собственного социокультурного опыта.

В свою очередь, адаптация в той или иной мере одного культурно-исторического опыта в рамках другого и наоборот, говорит о взаимопроникновении культур. Подобное взаимопроникновение может носить двоякий характер, то есть иметь как положительные, так и отрицательные стороны. Это обуславливается обстоятельствами, сопутствующими взаимопроникновению культур. В качестве таких обстоятельств могут выступать различные феномены. Так, например, если на каком-то этапе в рамках одного культурно-исторического опыта происходит слом алгоритма понимания окружающего мира и себя как его части, и вырабатывается новый, то обмен культурно-историческим опытом может

привести к полному или частичному поглощению одного опыта другим, иначе говоря, к полной или частичной утрате самобытности.

В данном случае, все будет зависеть от того, насколько сильна связь между исконными культурно-историческими традициями понимания мира и вновь вырабатываемыми в сознании носителей поглощаемого культурно-исторического опыта. Поэтому, в большинстве подобных случаев взаимопроникновение при таких условиях может быть негативным для одной из культур. Если же культурно-исторические традиции достаточно сильны в сознании носителей определенного культурно-исторического опыта, способны к трансформации и способствуют обогащению опыта понимания действительности, то обмен культурно-историческим опытом не приведет к потере самобытности, а, наоборот, будет способствовать ее усилению.

Особенно это важно сейчас, когда унифицируются многие формы пространства, начиная с научного и заканчивая обыденно-практическим, чтобы «не выпасть» из пространства мирового сообщества. Да, истина одна, но путь, проделанный тем или иным народом к пониманию этой истины, и сам характер понимания будут составлять неповторимую самобытность и индивидуальность каждого народа.

Литература и источники

1. Башков, Д.А. Семиотика Ч.С. Пирса и Ч. Морриса. – М., 2000.
2. Бахтин, М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986.
3. Библер, В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М., 1991.
4. Панарин, А.С. Искушение глобализмом. – М., 2002.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: ПЛЮРАЛИЗМ НАЦИОНАЛИЗМОВ ИЛИ КРОССКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ?

Дунаев В. Ю., Курганская В. Д. (Алматы, Казахстан)

Глобализация межкультурных взаимодействий протекает под воздействием двух разнонаправленных трендов: 1) культурная гомогенизация, стирание границ, разделяющих расы, нации, государства; 2) рост социорегулятивной и мировоззренческой значимости этнокультурных, конфессиональных, языковых различий. Политика и идеология мультикультурализма являются реакцией на совокупное действие этих тенденций, размывающих устои легитимности национального государства.

Риторика мультикультурализма как проекта гармоничного сочетания этнокультурного, конфессионального, лингвистического многообразия с граждански-политическим единством национального государства выступает доминирующей формой неолиберальной идеологии в области этнополитики. Однако вопреки прямому значению термина, политика мультикультурализма заключается не в защите и поощрении культурного многообразия как

